

УДК 330.101.8

Л. В. Кусургашева

ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева», Кемерово, e-mail: klv.eti@kuzstu.ru

В. Н. Давыдова

ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева», Кемерово, e-mail: dvn.eti@kuzstu.ru

«КРИТИКА ЛУКАСА» И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ключевые слова: посткейнсианство, DSGE-модель, «критика Лукаса», микрооснования макроэкономики, стабильность параметров модели, гипотеза рациональных ожиданий, макроэкономический консенсус, системная парадигма, посткейнсианство.

Статья посвящена оценке революции рациональных ожиданий в контексте развития экономической теории. Выделены ограничения современных макроэкономических исследований на основе использования стандартных DSGE-моделей. Дана характеристика роли, которую сыграла в смене кейнсианско-неоклассического синтеза школой новых классиков так называемая «критика Лукаса». Выделены ее гносеологические корни (проблема микрообоснования макроэкономики) и суть. В соответствии с традиционным подходом критика Лукаса трактуется как нормативный набор правил построения макроэкономических моделей, в основе которых должны лежать неоклассические принципы индивидуализма, рациональности и равновесия. Рассмотрены причины широкого признания критики Лукаса и ее влияния на дальнейшее развитие экономической теории. Акцентировано внимание на влияние идеологии в этом процессе. Показано, что результатом критики Лукаса явилось формирование макроэкономического консенсуса в форме нового неоклассического синтеза. Обосновано положение о том, что проблема микрообоснования макроэкономики не решена в рамках современной экономической теории и сделан вывод о необходимости развития системной парадигмы.

L. V. Kusurgasheva

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, e-mail: klv.eti@kuzstu.ru

V. N. Davydova

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, e-mail: dvn.eti@kuzstu.ru

«THE LUCAS CRITIQUE» AND ECONOMIC THEORY DEVELOPMENT: HISTORY AND THE PRESENT

Keywords: post-Keynesianism, DSGE model, “Lucas critique”, microfoundations of macroeconomics, stability of model parameters, rational expectations hypothesis, macroeconomic consensus, systems paradigm, post-Keynesianism.

The article is devoted to the assessment of the revolution of rational expectations in the context of the development of economic theory. The limitations of modern macroeconomic studies based on the use of standard DSGE models are highlighted. The characteristic of the role played in the replacement of the Keynesian-neoclassical synthesis by the school of new classics, the so-called “Lucas critique” is given. Its epistemological roots (the problem of macroeconomics micro-justification) and essence are singled out. In accordance with the traditional approach, Lucas’ critique is treated as a normative set of rules for constructing macroeconomic models, which should be based on neoclassical principles of individualism, rationality, and equilibrium. The reasons for the wide recognition of Lucas’ criticism and its influence on the further development of economic theory are considered. Attention is focused on the influence of ideology in this process. It is shown that the result of Lucas’s critique was the formation of a macroeconomic consensus in the form of a new neoclassical synthesis. The proposition that the problem of micro-justification of macroeconomics has not been solved within the framework of modern economic theory is substantiated and a conclusion is made about the need to develop a systemic paradigm.

Введение

Современный этап развития российской экономики характеризуется нарастанием неопределенности, связанной не только с гео-

политическими рисками, пандемией, анти-российскими санкциями, но и с исчерпанием положительного потенциала сложившейся модели социально-экономического раз-

вития. Текущий кризис показал это со всей наглядностью, хотя трактовки его остаются неоднозначными. Одни экономисты, исходя из закономерности циклических колебаний экономической активности, еще до ковидного шока и специальной военной операции России на Украине (СВО) предрекали неизбежный спад после достаточно длительного, хотя и с меньшими, чем в предыдущее двадцатилетие темпами роста развитых стран, другие – склонны рассматривать его как закономерный результат структурного кризиса мировой экономики, начавшегося в начале нового тысячелетия и не преодоленного в ходе Великой рецессии. Соответственно, первые считают СВО причиной прогнозируемого значительного замедления глобального роста и всплеска инфляции в 2022 году [1], вторые трактуют военно-политический кризис как третью фазу длящейся с 2008 года мировой гибридной войны, которую ведет властно-финансовая элита США за сохранение глобального доминирования [2]. Независимо от того, как трактуются причины кризиса, для всех очевидно, что неизбежна структурная перестройка российской экономики. В этих условиях актуализируется вопрос о роли государства в экономике, самым тесным образом связанный с развитием экономической теории.

Цель исследования заключается в оценке революции рациональных ожиданий в контексте внешних и внутренних факторов развития экономической теории.

Материал и методы исследования

Текущее положение и тенденции развития российской экономики, как минимум, «не внушают оптимизма», хотя последние экспертные оценки основных макроэкономических показателей немного улучшились (таблица).

На фоне этого в общественном дискурсе нарастает критика либеральных по сути и жестких по применяемым инструментам фискальной и, особенно, монетарной политик [4]. В основе той и другой, как известно, лежит неоклассика, которая образует мейнстрим современной экономической теории, и которой противостоит кейнсианство. В.А. Мау, говоря о современных тенденциях мирового развития, и выделяя тренд на усиление этатизма и кризис классического либерализма, утверждает, что «критика либерализма не означает возврата к традиционному кейнсианству» [5, с. 11-12]. Однако – это ложное противопоставление, если иметь в виду, что кейнсианство с момента своего возникновения претерпело существенные метаморфозы, и как таковое отсутствует в сложном и многоликом спектре современной мировой экономической мысли. Альтернативой неоклассическому либерализму, наряду с другими гетеродоксальными (неортодоксальными) течениями, выступает посткейнсианство, далеко ушедшее в своих теоретических изысканиях от «традиционного» кейнсианства, что бы не имелось в виду под этим термином.

Посткейнсианство известно в настоящее время благодаря гипотезе финансовой нестабильности (хрупкости) Х.Ф. Мински, содержание которой и попытки эмпирического тестирования достаточно представлены в отечественной литературе (см., например, [6]). Кроме того, острая полемика, в том числе и среди российских экономистов, идет вокруг считающейся в большинстве случаев частью посткейнсианского подхода современной денежной теории (*Modern Monetary Theory, MMT*) [7], которая уже внесла значительный вклад в понимание денег, долга и макроэкономической политики.

Результаты макроэкономического опроса Банка России: июнь 2022

Показатель	2020 (факт)	2021 (факт)	2022	2023	2024	2025
ВВП (% г/г)	-2,7	4,7	-7,5 (-9,2)	0,0 (0,0)	1,8 (1,7)	1,8
ИПЦ (в% дек. к дек. пред. года)	4,9	8,4	17,0 (22,0)	6,7 (7,6)	5,0 (5,0)	4,0
Уровень безработицы (% дек., без исключения сезонности)	5,9	4,3	6,5 (6,9)	5,9 (6,0)	5,0 (5,5)	4,9
Номинальная заработная плата (% г/г)	6,0	9,8	10,0 (9,8)	7,0 (7,4)	6,7 (7,0)	6,2

Примечания: 1) составлено авторами на основе данных Банка России [3]; 2) даты проведения опроса: 25 – 31 мая 2022 года; в скобках указаны результаты опроса в апреле 2022 года.

В целом, оценка посткейнсианского направления экономической науки неоднозначная: от констатации его кризисного состояния [8, с. 13-14] до признания наличия большого объяснительного потенциала, по крайней мере, по отношению к финансовым кризисам современности [9, с. 38]. Второе утверждение представляется более обоснованным, особенно в контексте Великой рецессии и последующих событий, и в связи с этим возникает закономерный вопрос о причинах «устранения» кейнсианской парадигмы из основного течения и ее маргинализации в 70-е годы прошлого века.

Для ответа на поставленный вопрос в работе используются конкретно-исторический подход, предполагающий анализ релевантной литературы с помощью общенаучных методов познания.

Результаты исследования и их обсуждение

Появление «Общей теории занятости, процента и денег» (1936) Дж.М. Кейнса привело к революционным сдвигам в экономической науке, фиксируемым обычно в виде триады: макроэкономический подход, эффективный спрос и государственный активизм. К неожиданным последствиям кейнсианской революции можно отнести формализм и чрезмерную математизацию экономической теории. «Неожиданных» – поскольку сам Кейнс выступал против излишнего применения математики в экономике, однако представление экономических взаимосвязей через и посредством агрегированных показателей позволило перейти к математическому моделированию и прогнозированию поведения экономической системы и выработке «научных» рекомендаций для экономической политики.

В качестве стандартной модели в современных макроэкономических исследованиях используется динамическая стохастическая модель общего равновесия (DSGE – *dynamic stochastic general equilibrium*). Она позиционируется как «наиболее продвинутая форма макроэкономического мейнстрима» [10, с. 61], в силу этого оказавшаяся в центре внимания после Великой рецессии, которая наглядно продемонстрировала отрыв экономической теории от практики и ее неспособность дать адекватные рекомендации для экономической политики.

В общем случае DSGE-модели представляют собой «класс макроэкономических мо-

делей, в которых экономическая динамика определяется из взаимодействия экономических агентов, обладающих рациональными ожиданиями. В таких моделях домохозяйства максимизируют приведенный к настоящему времени поток полезности от потребления и досуга, фирмы максимизируют свою прибыль, а органы власти следуют некоторым инструментальным правилам политики (например, правилу Тейлора) или максимизируют функцию общественного благосостояния. Как правило, экономика в таких моделях подвержена стохастическим шокам (эффективности производства, цен на нефть, предпочтений домохозяйств и др.)» [11, с. 25].

Дискуссия вокруг DSGE-моделей на Западе обнажила «болевы точки» макроэконометрического моделирования, которые были известны и до кризиса, но игнорировались в рамках нового неоклассического консенсуса. Критике подверглись: слабое микроэкономическое обоснование в целом, слишком упрощенное моделирование финансового сектора, серьезные недостатки в методологии, касающиеся таких основ моделей общего равновесия, как предположения о совершенно рациональных оптимизирующих экономических агентах и о стремлении экономики к равновесию [11].

Выделим в связи с этим один момент. Если исходить из абсолютистского подхода к истории экономических учений, то основным фактором появления DSGE-моделей следует признать проблему микрооснований макроэкономики, акцентированную Р. Лукасом и получившую название «критики Лукаса».

Р. Лукас, лауреат Нобелевской премии по экономике 1995 года, совершил в макроэкономической теории революцию, приведшую к смене кейнсианства (точнее, кейнсианско-неоклассического синтеза) в качестве господствующего направления на первоначальном этапе школой новых классиков, к которым затем присоединились новые кейнсианцы. Новые классики и новые кейнсианцы составляют сегодня новый неоклассический синтез или консенсус.

Критика Лукаса была направлена против широко распространенного в 50-е – начале 70-х годов прошлого века агрегированного *ad hoc* моделирования национальных экономик, основанного на выдвинутых Дж.М. Кейнсом принципах, и развитого его последователями, прежде всего Дж.Р. Хик-

сом и Э. Хансеном (модель *IS-LM*), а также Л. Клейном (модель Клейна-Голдберга). Исходно кейнсианские модели содержали в себе 3 уравнения (потребительского спроса, инвестиционного спроса, предпочтения ликвидности), которые в дальнейшем дезагрегировались и дополнялись другими зависимостями (модель Клейна-Голдберга содержала уже 20 уравнений), динамизировались и в конечном итоге приобрели вид сложной системы уравнений, состоявшей из сотен переменных. Эти модели использовались не только для описания макроэкономических зависимостей, выводимых на основе временных («исторических») рядов данных, но для прогнозирования экономики и разработки политико-экономических рекомендаций. Задавая различные значения экзогенных переменных (например, ставки налога), получали изменения объема ВВП, занятости, показателей внешней торговли и других эндогенных переменных.

В статье «Эконометрическая оценка политики: критика» (1976) Лукас утверждал, что традиционные макроэконометрические модели не могут служить для прогнозирования результатов различных вариантов макроэкономической политики, поскольку изменения в ней ведут к изменению поведения экономических агентов (в частности, из-за изменений в их ожиданиях) и, соответственно, к изменению параметров уравнений модели (коэффициентов при неизвестных). Последнее как раз и ведет к несопоставимости данных, полученных для прошлых периодов (например, предельной склонности к потреблению), и прогнозируемых последствий изменения режима макроэкономической политики. Вывод Лукаса звучит так: «...если предположить, что эконометрическая модель состоит из правил принятия оптимальных решений участниками рынка, и допустить, что эти правила систематически меняются в зависимости от изменений в структуре временных рядов экономических показателей, которыми руководствуются лица, принимающие решения, то, следовательно, любые изменения в экономической политике будут систематически влиять на структуру эконометрических моделей» [12, р. 40]. По существу, Лукас утверждал, что простые эмпирические закономерности, выявленные в исторических рядах данных статистическими методами эконометрического анализа, не могут являться основой для научно обоснованного

вывода о причинно-следственной зависимости и, следовательно, использования его в экономической политике.

Согласно Лукасу, пригодность модели для анализа политики определяется стабильностью параметров модели, которую может обеспечить их «фундаментальность» («глубокая структурированность»), понимаемая как независимость от экономической политики, связанная с технологиями и предпочтениями экономических агентов и их оптимизационным поведением. Иначе говоря, чтобы быть полезными для макроэкономической политики, эконометрические модели должны быть обоснованы на микроэкономическом уровне. В этом смысле «фундаментальность» параметров модели можно было бы трактовать как укорененность в глубокой (онтологической) структуре экономики, делающая их инвариантными к режимам политики, однако, сам Лукас считал, что это не онтологическая и даже не эпистемологическая, а чисто методологическая проблема. Вот как интерпретирует ее решение в статье Лукаса известный бельгийский историк экономического анализа М. де Фрей: «...лишь «глубоко структурированные модели», построенные с учетом основных экономических понятий, в состоянии представить надежные обоснования для оценки альтернативных вариантов экономической политики» [13, с. 213] (выделено нами – авт.). По сути, Лукас, указав на логическое несоответствие между «теорией экономической политики» (кейнсианством) и эконометрической практикой, предложил метод или правило для моделирования, которое может это несоответствие нивелировать – использование гипотезы рациональных ожиданий в рамках методологического индивидуализма и общего равновесия. Поэтому этот этап в развитии экономической науки получил название революции рациональных ожиданий.

Таким образом, критика Лукаса была изначально направлена против традиционного для того времени кейнсианского макроэкономического подхода и была воспринята большинством экономистов как доказательство его несостоятельности и необходимости введения в макромоделли микроэкономических основ в качестве предпосылки построения адекватной макроэконометрической модели. Однако, во-первых, содержательная интерпретация самой «критики Лукаса», ее значимости и применимости до сих пор остается дискуссионной; утверж-

дается, что Лукас «ни в коем случае не доказал, что эконометрические модели не могли, в принципе, использоваться для стратегического анализа» [14, с. 9]. Следовательно, даже в «техническом» плане нельзя утверждать, что проблема микрообоснования макроэкономики благодаря критике Лукаса была решена окончательно. Во-вторых, общепризнанная после глобального кризиса 2007–2008 годов неспособность DSGE-моделей прогнозировать глубокие спады экономики и служить основой политико-экономических рекомендаций преодоления его последствий обусловлена, как считают многие исследователи, нереалистичностью лежащих в их основе поведенческих предпосылок, то есть как раз того, что должно было сделать макро моделирование инвариантным к критике Лукаса. В содержательном отношении – это тупик в развитии ортодоксальной экономической теории, куда ее завела «критика Лукаса». Приведем широко цитируемое в последнее время высказывание самого Лукаса, которое исчерпывающим образом характеризует цель и содержание теоретических исследований в области экономики, обуславливающие тупиковость пути, предложенного революцией рациональных ожиданий: «Я предпочитаю использовать термин «теория» в очень узком смысле, ссылаясь на четко сформулированную динамическую систему, нечто такое, что можно загрузить в компьютер и запустить. Это то, что я подразумеваю под «механизмом» экономического развития – построение механического, искусственного мира, населенного взаимодействующими роботами, который обычно и изучает экономическая наука» [15, р. 5]. Стремление преодолеть дихотомию «микро-макро» (термин С.Г. Кирдиной-Чэндлер) путем введения нереалистичных допущений (таких как репрезентативный агент, рациональные ожидания, существование и стабильность равновесия, асоциальность) превратилось в «методологическую ловушку» [16, с. 42], которая уводит в «искусственный мир, населенный роботами» и не позволяет исследовать реальный, все более сложный мир экономики. С чем, в таком случае, связана «живучесть» критики Лукаса и ее продолжающееся влияние на макроэкономику и макроэкономическую политику, если судить о широкой распространенности DSGE-моделей?

Во-первых, «критика Лукаса», по признанию многих (но не всех!) экономистов,

смогла преодолеть «шизофреническую» природу [17] экономической теории, имевшей в середине прошлого века в своей структуре два принципиально различающихся раздела: микро- и макроэкономику. Если микроэкономика базировалась на аксиомах индивидуализма, оптимизации и равновесия, то кейнсианская макроэкономика строилась, исходя из нерациональности (или иррациональности, или иррациональности) человеческого поведения, холизма и допускала равновесие с неполной занятостью или вообще рассматривала экономику как принципиально неравновесную систему. «Критика Лукаса» подвела единый (неоклассический) фундамент под экономические исследования, независимо от того, на каком уровне они проводятся и, тем самым, была достигнута внутренняя согласованность экономической теории. В этом процессе проявилась одна из закономерностей эволюционного развития науки – внутренняя логика возникшей в конце позапрошлого века неоклассической парадигмы. Появление теории Дж.М. Кейнса, связанное с объективной потребностью в регулировании капиталистической рыночной экономики, несмотря на известную революционность методологического подхода и собственно теоретических идей и положений, не смогло преодолеть этого тренда на «саморазвитие» категорий и в конечном итоге выродилось в то, что Дж.К. Гэлбрейт, вслед за Дж. Робинсон, называет «ублюдочным» кейнсианством, имея в виду новое кейнсианство как часть нового неоклассического консенсуса [18, с. 25].

Во-вторых, маргинализация кейнсианской макроэкономики как результат критики Лукаса была обеспечена не только стремлением к строгости и чистоте теории, но и идеологией. Далеко не все экономисты и историки признают факт «идеологической нагруженности» экономической теории, того, что «как правило, идеология и политика задает ученым основные цели и тематику их исследований, которые явно или неявно отражают экономические и политические интересы общества, его социальные и этические установки» [19, с. 69]. В данном случае речь идет о том, что новый концептуальный аппарат и новые методы анализа, введенные Лукасом, имели под собой иное (по сравнению с Кейнсом) общее видение экономики (картину экономической реальности) – рынок как самодостаточная и саморегулируемая система, то есть неолиберализм («ры-

ночный фундаментализм»), который получил развитие на фоне обострения кризисных явлений в экономике развитых стран в 70-е годы прошлого века. Реальность тогда состояла в том, что: а) инфляция выросла и б) изменилась связь между инфляцией и безработицей, а именно, «в сумеречной атмосфере распада Бреттон-Вудской системы и структурных кризисов 1970-х кривая Филлипса запетляла и рухнула» [20, с. 681]. Это было истолковано как провал активной государственной политики по управлению совокупным спросом и, соответственно, усилило методологические аргументы Дж. Лукаса – типичного представителя Чикагской школы, известной скептическим отношением к любого рода государственной активности в рамках стабилизационной политики, которая, якобы, может привести лишь к усилению инфляции.

С точки зрения гетеродоксальных экономистов, направленность и методы исследований, обоснованные критикой Лукаса, должно быть отвергнуто на том основании, что создаваемые на их базе теории и модели не соответствуют реальности. Следует подчеркнуть, что, хотя поведение и действия отдельных хозяйственных единиц представляют собой основу макроэкономической структуры, существующие в ее рамках явления, также как и протекающие процессы не являются простым отражением оптимизационных решений репрезентативных агентов, свидетельством чего являются макроэкономические феномены, устойчиво воспроизводящиеся и именуемые «парадоксами» (парадоксы бережливости, ликвидности и пр.). Это утверждение базируется на понимании экономической реальности как целостной системы, предполагающей наличие у нее свойств, не сводимых к сумме свойств ее элементов и не выводимых из последних свойств целого [21], что обуславливает, в свою очередь, необходимость применения системного подхода («системной парадигмы»), развиваемого как раз в рамках

гетеродоксального течения экономической мысли [22]. Среди них выделим посткейнсианство как направления, по своему происхождению и теоретической конструкции более всего «приспособленного» для анализа экономической политики. Кроме того, посткейнсианство принципиально открыто для диалога и синтеза с другими неортодоксальными теориями и подходами и может предложить более широкую исследовательскую программу, предполагающую развитие политической экономии в качестве объединяющего начала.

Заключение

Современный этап развития мировой и национальной экономик, характеризующийся нарастанием неопределенности, обострил, казалось бы, ушедший в прошлое спор между кейнсианством и неоклассикой и связанный с этим вопрос о роли государства в экономике. Результаты «победоносного шествия» макроэкономического консенсуса (нового неоклассического синтеза) в виде господства DSGE-моделирования оценивается в настоящее время неоднозначно, что обуславливает необходимость анализа факторов, оказавших решающее влияние на его формирование. Среди таковых на первом месте оказалась логика развития неоклассической экономической парадигмы, потребовавшая на определенном этапе микрообоснования макроэкономики. Эта проблема была акцентирована в так называемой «критике Лукаса», реализация которой привела к построению логически строгих, теоретически обоснованных моделей, не имеющих ничего общего с реальностью, поскольку основывались на нереалистичных предпосылках. В свете сказанного отказ от кейнсианского макроэкономического подхода не выглядит обоснованным, и обращение к кейнсианским принципам и идеям, развитым его последователями, представляется разумной альтернативой ортодоксальному подходу.

Библиографический список

1. War slows recovery. International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/04/19/world-economic-outlook-april-2022> (дата обращения: 25.06.2022).
2. Об Украине, мерах реагирования на санкции и формировании эффективной системы управления российской экономикой // ГЛАЗЬЕВ.РУ. URL: <https://glazev.ru/articles/165-interv-ju/100822-ob-ukraine-merakh-reagirovaniya-na-sanktsii-i-formirovani-jeffektivnoy-sistemy-upravlenija-rossijskoy-jekonomikoy> (дата обращения: 04.05.2022).

3. Макроэкономический опрос Банка // Банк России. URL: http://www.cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/#highlight=2022%7C%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%BE%D0%B7 (дата обращения: 25.06.2022).
4. Глазьев С.Ю., Сухарев О.С., Афанасьева О.Н. Монетарная политика России: негативный накопительный эффект в рамках неоклассической модели и его преодоление // Микроэкономика. 2022. № 2. С. 5-38.
5. Мау В. и др. Российская экономика в 2019 году. Тенденции и перспективы (Выпуск 41) / под науч. ред. А.Л. Кудрина, А.Д. Радыгина, С.Г. Синельникова-Мурылева. М.: Ин-т Гайдара, 2020. 632 с.
6. Rozmainsky I., Rodionova T. The financial fragility hypothesis and the debt crisis in Italy in the 2010s. *Terra Economicus*. 2021. Т. 19. № 1. С. 6-16.
7. Грищенко В., Остапенко В., Ткачев В., Тунёв В. Современная денежная теория (ММТ): новая парадигма или набор рекомендаций для макроэкономической политики? // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 3. С. 8-43.
8. Баженов Г., Мальцев А. Современные гетеродоксальные направления экономической теории в контексте трансформации мейнстрима // Общество и экономика. 2018. № 1. С. 5-21.
9. Вымятина Ю.В., Грищенко В.О., Остапенко В.М., Рязанов В.Т. Финансовая нестабильность и экономические кризисы: уроки Мински // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 4. С. 20-41.
10. Автономов В.С. Экономическая теория до и после Великой рецессии // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 2 (3). С. 58-64.
11. Андреев М.Ю., Полбин А.В. Тенденции развития макроэкономических моделей // Управленческое консультирование. 2019. № 2. С. 24-33.
12. Lucas R. Econometric policy evaluation: A critique // *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*. Vol. 1. P. 19-46. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0167223176800036> (дата обращения: 04.05.2022).
13. Де Фрей М. История макроэкономики: от Кейнса к Лукасу и до современности. М.: Дело, 2019. 576 с.
14. Алмон К. Межотраслевые модели INFORUM: происхождение, развитие и преодоление проблем // Проблемы прогнозирования. 2016. № 2 (155). С. 3-15.
15. Lucas R. On the Mechanics of Economic Development. *Journal of Monetary Economics*. 1988. Vol. 22. № 1. P. 3-42.
16. Кирдина-Чэндлер С.Г., Маевский В.И. Эволюция гетеродоксальной мезоэкономики // *Terra Economicus*. 2020. Т. 18. № 3. С. 30-52.
17. Хауитт П. Макроэкономика: отношения с микроэкономикой // Экономическая школа. URL: <https://seinst.ru/page1048/> (дата обращения: 19.06.2022).
18. Гэлбрейт Дж.К. Третий кризис в экономической науке // Мир перемен. 2013. № 1. С. 24-28.
19. Кусургашева Л.В., Лубягина Л.У., Муромцева А.К. Национальная экономия как способ реализации социального потенциала экономической теории // Проблемы современной экономики. 2018. № 3 (67). С. 67-71.
20. Гловели Г.Д. История экономических учений. М.: Юрайт, 2013. 777 с.
21. Садовский В.Н. Система // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 552-553.
22. Кирдина-Чэндлер С.Г. Системная парадигма и перспективы «институционального синтеза» в экономике // Экономическая наука современной России. 2021. № 3 (94). С. 17-32.